

Евгений Плоткин

За обезьяной в Бразилию

ЗА ОБЕЗЬЯНОЙ В БРАЗИЛИЮ

– Женя, – сказала Джессика, – привези мне из Бразилии обезьяну.

– Живую?

– Женя, – внучка нахмурила брови, – живые обезьяны в зоопарке, привези мне игрушку.

Если женщина просит, то надо выполнять... Это все фигня. Вот если просит внучка, отказать действительно невозможно.

Моя конференция была в городке Бенту-Гонсалвис, в южнобразильском штате Риу-Гранди-ду-Сул. Лететь туда – еще то удовольствие: сначала из Сан-Франциско в Даллас, оттуда в Сан-Паулу, там пересадка в Порту-Алегри, ну и далее совсем мелочь, километров 150 на чем попало. И будет этот самый Гонсалвис, и вилла Миранда, и койка – после дороги, двух пересадок и трех перелетов.

Первым по пути был Даллас. В зале прилета почему-то стойки на мой рейс в Сан-Паулу не оказалось. Зато была здоровая очередь из рассерженных людей в дурном настроении. Так и есть. Рейс на Сан-Паулу отменен, завтра будет другой, но это будет завтра. А сегодня... сегодня раздадут ваучеры на гостиницу. Раздают медленно и печально, не торопясь, как будто впереди вечность или по крайней мере ее лучшая половина.

Лезть в толпу не хотелось, кресло подвернулось как нельзя кстати. Разбудил меня чей-то голос:

– Мистер?

– Да!

– Мистер, вы летите в Сан-Паулу?

– Да, надеюсь.

– Мистер, вам полагается ваучер на гостиницу, – передо мной стоял высокий вежливый негр в форме авиакомпании. – Мистер Плоткин, я вижу вы устали, я дам вам также ваучер на такси.

– Спасибо, это очень кстати. Как им пользоваться?

– Очень просто. На стоянке покажете ваучер диспетчеру, приедет такси, вы сядете. Вы из Израиля, мистер Плоткин?

– Да, я там живу.

– Я родом из Гаити. У нас очень любят Израиль. Великая страна.

– В самом деле любите Израиль? Я не знал.

– Да, это традиционно. У вас там должен быть мир.

– Конечно должен, а как – неясно.

– Мы в Гаити знаем, что такое мир.

– Я не бывал у вас. Красивая страна?

– Страна замечательная, люди хорошие, любят жизнь. Но правительство...

– Придурки?

– Придурки!

– И у нас тоже. Всюду одно и то же. Давно вы в Америке?

– Уже лет 20.

– Нравится?

– Да, нравится. А главное – работа. У меня семья на Гаити.

– Часто видите?

– Стараюсь. Не получается.

– Скучаете?

– Очень! Но там нет работы. Такая жизнь.

– Да, сложно все это. Спасибо вам за такси!

– Не за что. Я увидел, что вы устали. Доброй вам ночи, хорошего полета. Я как-нибудь с семьей приеду посмотреть Иерусалим.

– Приезжайте! Мир сейчас стал меньше.

Я вышел в ночь, на стоянку такси. Дождь лупил отчаянно, струи неслись по асфальту, налетел сильный ветер. Такси величаво выплывали из дождя и уплывали в дождь. Остановившись не хотел никто. Мне бы еще одного гаитянина... В этот момент какая-то машина все-таки остановилась.

– Сэр?.. Садитесь, сэр, вам куда? – лицо таксиста едва угадывалось в темноте.

Я протянул ваучер. Таксист долго изучал бумажку, потом произнес радостно:

– Отель «Виктория», я знаю, где это.

– Дождь, – сказал я, – сильный дождь. Долго не было машин, все проезжали мимо.

– Эти афроамериканцы не хотят нормально работать. Никто не хочет. Все ленивые.

Я посмотрел на иссиня-черную шею шофера.

– А вы? Вы-то сами откуда?

– Я из Кот-д'Ивуара, но я не такой, я умею работать.

– Я вижу, – сказал я, – вы другой. Как у вас там, в Кот-д'Ивуаре? Вы там родились?

– Да, моя страна. Но война все время. Все время! У меня там семья. В последние годы поспокойнее стало. Раньше я очень боялся.

– А теперь?

– Теперь нет, теперь там туристы, войска ООН, еще какие-то войска. Я здесь зарабатываю на всех. Я умею работать, сэр.

– Да, я вижу. Кстати, а почему отель так далеко от аэропорта?

– Это все дождь, сэр, трафик, пробки. Вы откуда, сэр?

– Израиль.

– Мы в Кот-д'Ивуаре очень любим Израиль.

– Спасибо, я сегодня уже слышал что-то подобное.

– Я хочу посмотреть на Христа, – сказал таксист.

– Что вы имеете в виду?

– У вас там все связано с Христом, каждый дом.

– Ну, это преувеличение. Но вообще много интересного. Почему все-таки мы так долго едем?

– Не волнуйтесь, сэр, еще несколько минут.

Через пять минут таксист остановил машину. Я наконец увидел его лицо. Оно было такого же цвета, как и шея, только виновато улыбалось.

– Это другой отель, – сообщил мне таксист. – Я перепутал восток и запад.

– Как другой? Имя у него есть?

– Имя есть – отель «Виктория», но он западный, а нам нужен такой же, только восточный.

– Понятно, а почему вы привезли меня не туда?

– Я ошибся, – с обезоруживающей простотой сказал таксист. – Но я умею работать.

– Да, – согласился я. – Но как быть с отелем?

– Не волнуйтесь, сэр, поехали, сэр, я вас довезу...

Мы снова колесили по Далласу с полчаса. Я узнал много нового о Береге Слоновой Кости. Действительно интересная страна. Но вот война... Наконец показался нужный отель. Таксист был счастлив, я тоже. Мы распрощались, как старые знакомые.

Наутро я ждал, что за мной приедет очередной афроамериканец, но приехал загорелый мужик, чем-то похожий на Роберта де Ниро. Он взял ваучер двумя пальцами, повертел с презрением и сказал:

– Что это?

– Ваучер.

– Я вижу, что ваучер, скажи, куда мне его засунуть?

Я знал пару подходящих слов на русском, но решил не обострять без нужды отношения.

– Спроси у диспетчера.

Таксист оживился.

– В самом деле, может, диспетчер знает, – сказал он и набрал номер. – Привет, я в отеле «Виктория Восток». Тут клиент дает мне какую-то бумажку из аэропорта. Куда мне ее засунуть?

После нескольких секунд разговора таксист посмотрел на меня другими глазами.

– Оказывается, это деньги, у этих идиотов из аэропорта с нами договор, поехали. Так ты летишь в Париж, – неожиданно произнес он.

– Почему в Париж?

– Все сейчас летят в Париж. Время такое.

– Я не лечу в Париж, я лечу в Бразилию.

– В Бразилию? Что ты там забыл? Там все бабы порченые.

– Спасибо, – сказал я, – откуда вы знаете?
– Все это знают! Тоже мне секрет. Так куда тебе надо?
– В Порту-Алегри. Я еду туда на конференцию.
– По виноделию? – сказал таксист.
– С чего вы взяли?
– Какие еще могут быть конференции в Бразилии? Там неплохое вино. Итальянская школа.
– Не знаю, не пробовал.
– А ты попробуй. Так на кой хрен ты летишь в эту дыру, если у тебя не конференция по виноделию?
– По математике, я еду на конференцию по математике. Я математик.
Таксист аж подпрыгнул на водительском кресле.
– Так ты математик? Я тоже хотел быть математиком, даже учился в университете, в Корнелле.
Тут уже я слегка прибалдел.
– Вы учились в Корнелле, в Итаке? Ну и как?
– Что ты спрашиваешь глупости, не видишь, что я сейчас делаю в Далласе? Тебе самому не ясно? Ты откуда вообще?
– Более или менее ясно. Я из Израиля, Тель-Авив.
Таксист снова подпрыгнул на кресле.
– Так ты еврей? Ты такой же шлемазл, как и я. Я тоже еврей!
– Я заметил. Вы похожи. Но я не знал, еврей вы или итальянец.
– Еврей я, еврей. И родители мои евреи, и жена, и любовница!
– Так вы почти ортодокс.
– Какой я ортодокс, я работаю как вол.
– Ну, я пошутил.
– Я тоже, – таксист весело загоготал, – разве это работа?
Манера отвечать вопросом на вопрос мне все больше нравилась. Да и привык я к этому с детства.
– В каком ты университете? В Иерусалиме? У меня там полно родственников.
– У всех есть родственники в Израиле. Нет, я в университете Бар-Илан, это Тель-Авив.
– Там есть факультет виноделия?
– Что ты зациклился на вине, я же сказал – математик.
– Ах да, – сказал таксист, – ты меня со своей Бразилией сбил с толку. Все летят в одно место, – глубокомысленно добавил он.
– Какое?
– Да неважно какое... любое, лишь бы там делать жизнь. Ты знаешь, что такое «делать жизнь»?
– Знаю. Так говорят на иврите.
– Не знал, что это иврит. Так говорят: «Что делает этот поц? Этот поц делает жизнь». Слыхал такое?
– Слыхал. Я и не такое слыхал. Так конференция по виноделию – это кайф, а по математике – это для ботаников?
– Ты выглядишь, как ботаник, – сказал таксист. – Но для математика сойдет.
– Ты тоже неплохо выглядишь, – ответил я.
«Де Ниро» заржал в голос.
– Ты мне сделал день! Мы почти приехали. Аэропорт. Ты чем летишь, «American Airlines»?
– Да, чтоб их. Это они мне устроили Даллас на ночь.
– Скажи спасибо, что не отправили куда подальше. Ну о'кей, приехали, можешь лететь. Береги себя, математик.
– Ты тоже. Придется теперь в Бразилии вино пить.
– Пей-пей, нормальные бабы там тебе не по карману – пей, что там еще делать. Счастливого пути, – сказал он и дал газу. А я полетел в Сан-Паулу.
В Сан-Паулу снова пришлось ночевать. Отчетливо помню назойливых злобных комаров, все остальное стерлось.

В гостиничном киоске обезьян не оказалось. Я решил, что позднее они будут повсюду. Не тут-то было.

Наутро я оказался в Порту-Алегри, всего два дня опоздания, пустяк. Сразу же схватил такси и отправился к месту, в Бенту-Гонсалвис. Замелькали названия: Нову-Амбургу, Тевтония, Вестфалия... Нет, обезьян здесь не будет. Коровы, свиньи – другое дело. Все ухожено, все чисто, все упорядочено. Неожиданно «Германия» закончилась, коровники и свинарники уступили место виноградникам и пиццериям. Городки Гарибальди, Нова-Рома, Монте-Бело не заставили себя ждать. На улицах люди в национальных итальянских одеждах, в магазинах – вино. Обезьян не было нигде.

Вилла Миранда утопала в виноградниках. Я зашел внутрь и обнаружил три прохода в три именных конференц-зала. Звались они «Мерло», «Каберне» и «Темпранильо». Не слабо... У входа же в здание стоял псевдобарочный фонтан. Ничего особенного, вот только струи у него были красного цвета, и это был не сок. По краям сидели пьяные голуби. Похоже, прав был таксист в Далласе, конференция была винодельческая. Я вспомнил молодость, животноводческий колхоз «Тервете» в Латвии, там в столовой был пивопровод. Трудящиеся подходили к крану, два-три движения и – вуаля – пиво текло рекой. Это впечатляло. Но вот чтобы фонтан с вином... перед таким меркнут молочные реки и кисельные берега.

В зале «Каберне» обнаружили лица коллег и доска, полная формул. Наваждение рассеялось. Конференция была математическая, вот только в очень нематематическом месте.

Я заселился в номер на первом этаже, кинул вещи и рассеянно выглянул в окно. Под окном был газон, через газон шла дорожка из крупной гальки, посередине лежал агат на добрых полкило. Цветной, заметил я, сам не веря своим глазам. Как это может быть?

В том, что произошло дальше, никакой логики не было. Оглядевшись по сторонам с видом неопытного карманника, я неожиданно сиганул в окно, прямо на газон. «Почему не через дверь?» – мелькнула мысль, но тут же ушла неволебно.

Агат был на месте. Здоровый агат, которому место где-нибудь в овраге, на берегу далекой реки или в саванне, пустыне, тайге – все равно где, но у черта на рогах, а не на садовой дорожке фешенебельной виллы. Я схватил его и, как тать, полез через окно обратно в номер. В этом было что-то совсем пионерское и бессмысленное. Ни до, ни после я в окна не влезал. Но тут был какой-то психоз, амок какой-то.

В номере я отскреб агат от грязи и пыли и убедился, что это не наваждение. Очевидно, гальку для дорожек брали на каком-то карьере. Видимо, здесь такие карьеры. Несмотря на все, что я читал об агатовом Клондайке южной Бразилии, поверить в увиденное было трудно!

Агаты на дорожках виллы водились в изобилии. В основном они были среднего качества, но встречались и совершенно замечательные экземпляры с четким, проработанным рисунком. Среди гальки бродили павлины, похожие на разнаряженных куриц. Собственно, они такими и являются. Недаром мозг у павлина меньше глаза. Зато перья...

До моего доклада оставалось два дня, до конца конференции – четыре. В голову медленно, но верно закрадывалась мысль поехать по Бразилии на машине, останавливаясь на берегах рек или посреди полей в поисках агатов. Сделать доклад и уехать на день, не особенно выбирая дорогу – в белый свет, как в копеечку... Что может быть лучше? Конечно, были вялые соображения безопасности такой поездки, но перед искушением здравый смысл всегда тормозит и отползает в сторону.

Собственно, я знал, куда ехать. На Соледад! Есть такой город в Риу-Гранди-ду-Сул, столица каменного промысла. В него стекаются со всего штата агатовые ручейки, чтобы превратиться в тысячи тонн агатовых рек. Сюда доставляют огромные аметистовые жеоды, которые затем накапливаются в Порту-Алегри и отправляются контейнерами по всему миру. Это – Соледад! По крайней мере, так о нем написано.

Проблема была в том, что никто не хотел со мной ехать. Никого не привлекала перспектива дальней дороги, большого приключения. Ну что за люди! Придется ехать самому. Не зря «*soledade*» на португальском – «одинокость».

Я решил, что поеду без подробной карты, «на глазок». Так интереснее и наверняка романтичнее. Примерно прикинул углы на глобусе мира, снял машину на спирту и поехал. Поехал по прямой, выбирая проселочные, а зачастую и лесные дороги. Я искал галечные косы, поскольку агаты должны были быть именно там.

Мне не повезло. Пошел дождь, реки довольно быстро вспухли, все галечники ушли под воду. Я несколько раз пытался подойти к реке, но было скользко, опасно и неприятно. Дорога вилась через довольно густой лес, весь поросший гортензиями. Они росли по всему склону так буднично, словно это были какие-то среднерусские одуванчики. Грунтовку размыло, и машина скользила по красной земле как четырехколесная лодка. Попадались какие-то безлюдные строения, но заходить внутрь я не рискнул. В общем, было хорошо все, кроме агатов.

Наконец я нашел переправу через реку. Это были бетонные плиты высотой примерно метр над водой. «Хорошо бы не смыло», – подумал я, но поехал. Сзади бразильский даль-

нобойщик внимательно следил за происходящим. Когда я переехал, он сделал какой-то неведомый жест рукой. Не знаю точно, но надеюсь, что это было полное одобрение.

Не прошло и часа, как меня остановили на дороге какие-то люди в форме с калашниковым. Я достал израильский паспорт. От удивления вооруженный мужик опустил автомат.

– Израиль? – спросил он.

– Да, да, Израиль!

Мужик возбудился необычайно. Он позвал помощников, что-то жестикулируя с южной экспансивностью. Один из них говорил по-английски.

– Что вы здесь делаете? – спросил он.

– Соледад, я еду в Соледад.

– Здесь? – его изумлению не было предела. – Этой дорогой пользуются только местные жители.

– Извините, не знал, увидел дорогу, просто дорогу.

– Что вам надо в Соледаде?

- Камни: агаты, аметисты.
 - Так вы дилер!
 - Нет, я не дилер, я просто хочу посмотреть на Соледад.
- Англоговорящий вручил мне паспорт обратно.

– Вы неверно выбрали дорогу. Езжайте осторожно, вон на той развилке – направо. Вы меня поняли? Только направо!

– Хорошо, хорошо, – сказал я.

– И постарайтесь доехать до темноты, – добавил он, – я вам рекомендую не задерживаться.

– А что, собственно, происходит? – спросил я, садясь в машину. Но мне никто не ответил.

В Соледад я приехал в половине шестого. И сразу выяснил, что все каменные развалы закрываются через час максимум. По-видимому, это и спасло мой кошелек.

Потому что поверить в увиденное было трудно.

За изгородями лежали агаты всех форм и расцветок. Это были холмы агатов, горы агатов. Отдельными рядами стояли аметистовые жеоды из городка Аметиста-ду-Сул. В этом городе аметист подается на первое, второе и третье. В нем имеется бензоколонка из аметиста, церковь Святого Габриеля, патрона города, из аметиста, стена из аметиста, аметистовый музей, и даже городские собаки спят на аметистовых плитах. Но все-таки большинство добытого в Аметиста-ду-Сул едет в Соледад – и далее по всему миру.

Я выбрал какую-то открытую минералогическую лавку и рванул в бой.

– Меня интересуют агаты, у вас есть агаты?

– Агаты? Есть.

Продавец поманил меня пальцем. Мы прошли два зала с агатами, не останавливаясь, он открыл какую-то дверь. Я заглянул внутрь, оторопел и снова заглянул. Помещение больше всего напоминало футбольное поле. Агаты лежали, нарезанные аккуратными блинами, всех возможных форм и расцветок. Все это уходило метров на 300 в полумрак. Вид у меня был достаточно дурацкий.

Продавец сказал:

– Сколько вам надо? Больше, чем полтонны, сейчас не отобрать, мы уже закрываемся.

Я закрыл дверь, вздохнул и ответил:

– Давайте посмотрим, что есть в залах.

– Конечно, сэр, с удовольствием. У вас полчаса.

Основная проблема с бразильским агатом известна всем профессионалам. Агат здесь красят в любые цвета, но, к счастью, предпочитают что-то вычурное и кричащее. А естественный бразильский агат – спокой-

ных тонов: белый, серый, иногда коричневый, редко черный или цветной. Чтобы отличить крашенный агат от натурального, нужны опыт и время. И подходящий соледадчанин, конечно.

Я сказал:

– Мне нужны только натуральные агаты, не крашенные.

– У нас все натуральное, сэр, абсолютно все.

«Ну да, так я тебе и поверил», – подумал я.

– Вот, – сказал продавец, – прекрасный натуральный агат. 30 центов килограмм.

Я сначала не сообразил, а потом понял, что он сидит на жеоде диаметром чуть ли не с метр и собирается мне ее продать.

– Тяжелый, – сказал я, – слишком тяжелый для самолета.

– А вы отправляйте морем, все так делают.

Я почувствовал себя дилетантом.

– Нет, мне не подходит, спасибо, у Вас есть что-нибудь поменьше?

Мы пошли мимо витрин с кольцами, браслетами, часами, ожерельями – все из агата.

Вдруг я краем глаза заметил что-то необычное.

– Что это?

– Что? – спросил продавец.

– Ну там, в углу?

– В углу – ничего, там кулоны.

– Можно посмотреть?

– Конечно.

В углу витрины лежал немыслимый кулон из натечного халцедона: на меня смотрел настоящий дух бразильского леса, или бес бразильский собственной персоной. Широкое обезьянье лицо, широко расставленные ноздри, надбровные дуги как у питекантропа, приоткрытый рот.

– Он похож на человека, – сказал я.

– Да, – согласился продавец, – пятьдесят реалов.

Я не стал торговаться. Такой гоминид не имеет цены. Просят пятьдесят реалов – пусть будет пятьдесят.

Наконец мы остановились около ящиков с агатами средних размеров, до килограмма. Я внимательно смотрел на рубашки агатов. По рубашке камня многое можно понять. Собственно, можно даже заранее все узнать, если будет немного везения. Во всяком случае, крашенные агаты распознаются достаточно уверенно. Постепенно я понял, что здесь собраны агаты из 3-4 месторождений и можно поискать что-то любопытное. Так и вышло. На срезах обнаружались всякие зверушки, рисунки, картины. Я понимал, что если провести здесь полный день, то здесь и останешься. С собой такое не утащить, невозможно. И уехать тоже нельзя. Просто повезло, что я болтался по стране и приехал лишь к самому концу работы.

– А нет ли у вас агатовой обезьяны? – спросил я.

– Обезьян нет. Ягуар вас не устроит? Очень неплохая работа. Рекомендую.

– Нет, ягуар будет в следующий раз. Мне нужна обезьяна.

– Нет, к сожалению, нет. Посмотрите в других галереях.

Но времени смотреть в других галереях не оставалось. Я купил с десятков агатов. На одном скалил зубы какой-то доисторический монстр, на другом были глазки без лица, на третьем угадывался пейзаж в розовых тонах. Эх, было бы время!

Я успел забежать еще в одну дверь и купить большой энгидро-агат. В этих агатах, а точнее, халцедонах, внутри отчетливо видны полости, заполненные водой. Несмотря на все знания о диффузии, о законах физики, о пористости кремнезема, само сочетание «вода внутри камня» всегда представлялось мне каким-то оксюмороном, ну вроде как «горячий снег». Может, сойдет Джессике вместо обезьяны?

Стемнело. Надо было ехать обратно, на виллу. До сих пор жалею, что не остался в Соледаде в какой-либо гостинице до утра. Но кураж уже к концу дня был так себе, на троечку, слишком много было за день дорог и впечатлений. Я прыгнул в свою проспиртованную машину. Возвращаться надо было по трассам. Я надеялся, что где-нибудь все же куплю обезьяну.

Километрах в сорока от Соледада по дороге на Порту-Алегри находится большая плаза: заправка, магазины, рестораны, всякие удобства. Я остановился. В магазине сувениров продавались аметистовые жеоды с меня ростом. Цена примерно в 4-5 раз ниже, чем в Европе. За морем телушка – полушка, да рубль перевоз. Продащица уловила блеск в моих глазах и вцепилась мертвой хваткой. Но она сделала один промах. Дело в том, что огромные жеоды с цитрином в Бразилии греют, добываясь насыщенного золотистого цвета. Я такого рода упражнениями занимался еще в школе. А она утверждала, что цвет натуральный. А я устал. И послал ее подальше. «Обезьяны, где вы, я вас найду...» – процитировал я Фараду.

– У вас есть игрушечные обезьяны? Желтые цитрины мне не нужны. Мне надо игрушку обезьяну.

– У нас есть коровы, есть ягуар, есть кондоры. Есть даже плюшевые верблюды. Всегда были обезьяны, – задумчиво сказала продавщица. – Но сейчас нет.

Я просмотрел сувениры еще раз. Обезьян видно не было. Но рядом было типичное бразильское кафе – поесть вполне можно, но как-то без блеска. Я угрюмо жевал что-то условно съедобное, когда за столик подсел какой-то человек.

– Издалека? – спросил он.

– Израиль.

– Уууу, далеко. А до этого откуда?

– Не понял, что вы имеете в виду.

– До Израиля где жили?

– В России. Откуда вы знаете?

– Знаю. Вижу.

– Тут довольно темно, как вы видите?

– По глазам.

– И что там написано?

– Что вы с севера, а не из Израиля.

– Верно. Вы очень наблюдательный. Что еще там видно?

– Что вы здесь впервые, случайно, и ищете плюшевую обезьяну.

– Вы шпион?

– Нет, я просто стоял рядом и слышал ваш разговор.

– А почему вы думаете, что я впервые?

– Потому что на следующей плазе будет большой магазин сувениров. Вам туда.

– Неплохо... Как это у вас получается?

– У меня опыт.

Мы разговорились всерьез. Мужик оказался кем-то вроде фермера. Продает, покупает, я не вникал. Но страну он знал хорошо. Оказывается, южная Бразилия сильнее отличается от центра, чем, скажем, Душанбе от Москвы. Все разное, абсолютно все. Еда, традиции, люди, происхождение, природа наконец. Здесь даже дверей в домах зачастую не закрывают. Потомки немцев и итальянцев не растворились в португальском социуме, а сохранили свою самобытность. Пьют вино, разводят коров, танцуют народные танцы. Штат в основном сельскохозяйственный. Туризм, промышленность – на втором плане. Преступность есть, конечно, но по сравнению с Сан-Паулу – просто тьфу. А вообще ничего, жить можно. Что касается агатов, то они повсюду, их никто не считает, почти в каждом большом овраге после дождей можно наковырять столько, что не унести. Чудеса... Мы еще немного поговорили за жизнь. Что-то было в этом сюрреалистическое. Но очень хорошее.

На следующей плазе я купил обезьяну! Очень симпатичная мартышка была в одном экземпляре. Хорошо помню, как мало мне надо было для радости в то время. Все светилося, все играло, все встречи были открытием, все впечатления – счастьем. Обезьяну я любил с первого мгновения.

Позднее, на пересадке в Рио-де-Жанейро, весь аэропорт был заполнен обезьянами всех видов и мастей. Но лучше моей там, конечно, не было.

По дороге назад оставалось еще одно несделанное дело. Я с утра не звонил своим родным. Они, конечно, не знали, где именно я болтаюсь, но позвонить надо было в любом случае. Значит, нужен был вай-фай.

На трассе сеть не ловилась. Вдруг я заметил довольно высоко вверху слева какой-то комплекс строений, похожий на гостиницу. Там все должно быть! Я резко свернул с шоссе, заметив, что к строениям шла какая-то боковая дорога.

Уже наступили сумерки. Не прошло и трех минут, как дорогу преградил шлагбаум и будка с вооруженными товарищами. Из будки высунулась рука в форме.

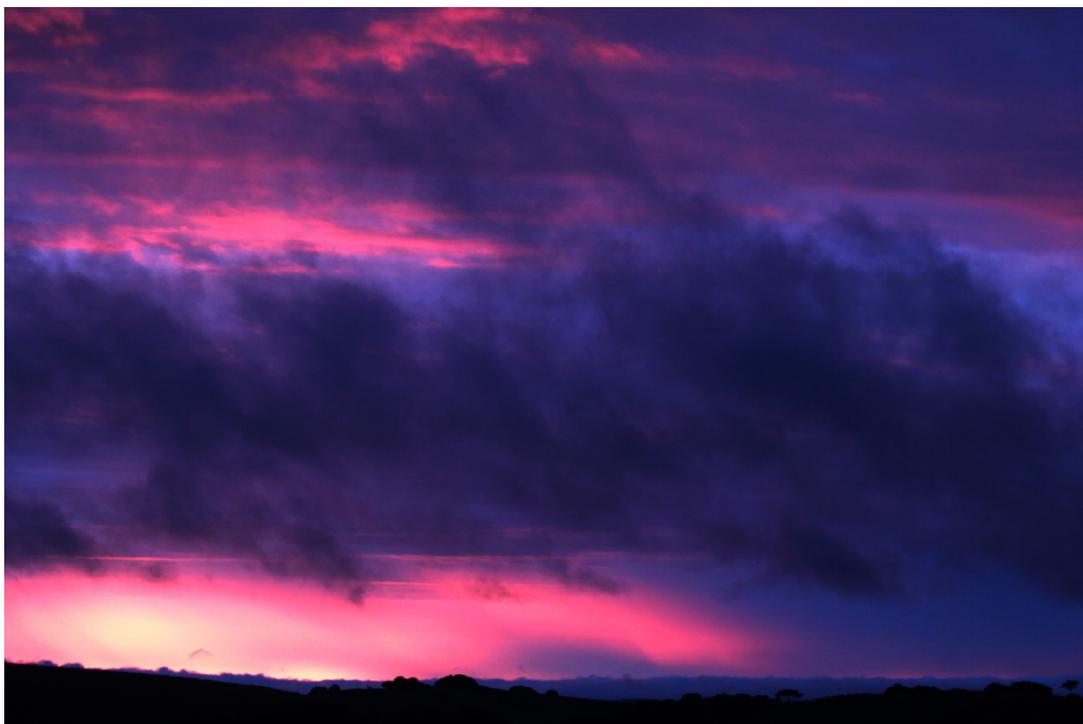
– Номер вашей комнаты? – спросил охранник.

– Извините, не помню, – ответил я. – Вот, возьмите мой паспорт, – я в очередной раз протянул израильскую паспортину, искренне надеясь, что рвусь не в частную собственность какого-нибудь ближневосточного шейха.

Охранник абсолютно не был удивлен.

– Проезжайте, – буркнул он, и я сразу газанул, вписываясь в серпантин узкой дороги.

В небе между тем творилось что-то необычное. Весь запад неожиданно загорелся малиновым цветом, который обтекал набухающее на глазах свинцовое облако. Красота была немыслимая. Однако одновременно с красотой на горизонте накапливалось напряжение, тревожные волны вибрировали вертикально от земли к небу. Еще минут 10, ну 15 – и рванет, почувствовал я, надо ускоряться, а то всю эту дорогу смоем ливнем.

Неожиданно асфальт кончился, пошла грунтовка, а потом появилась пустая парковка. В конце нее был навес, под ним отчаянно целовалась какая-то бразильская парочка. В общем-то неправильно мешать людям в такой момент. С другой стороны, мне нужно было понять, куда вообще двигаться в поисках сети.

– Инглиш? – спросил я.

Первой, как ни странно, пришла в себя девушка.

– Португез, – ответила она.

Так, надо говорить по-португальски. А как? Я достал мобильный телефон. Девушка сразу заулыбалась и закивала головой. Парень стоял истуканом: видно, я прервал его на самом интересном месте, и ему никак не перестроиться.

– Вай-фай, сим? Сим, сим, – заворковала девушка.

До чего же хорошенькая, а главное – умненькая, так как «сим, сим» – это по-португальски «да, да», а не сим-карта. Тут ожил парень и показал рукой на тропинку. Я понял, что мне туда, прижал руку к сердцу, сказал португальское «обригадо» – спасибо, а потом зачем-то повторил по-русски – «большое спасибо» – и побежал по тропе. В конце тропы стояло серьезного размера здание и пожарная лестница. Наверное, я зашел не с главного входа, но времени не было, и я полез по ней на второй этаж. Вот тут налетел ветер и все вокруг загудело. Я достал мобильник – вай-фай отсутствовал. Я полез дальше, выскочил на длинный балкон и поднялся до последнего этажа.

Ну! Где сеть? «Давай, давай», – повторил я любимую фразу тель-авивских рыночных торговцев и снова достал мобильник. На его экране светились две линии. Можно звонить! Я позвонил, сказал, что все о'кей, что я спокойно еду, буду ехать еще часа два-три, что все у меня нормально. В общем, успокоил... Как раз успел до того момента, как налетел шквал, резко упала темнота, все вокруг загудело... а мне еще по пожарной лестнице спускаться два этажа. В итоге я прыгнул в машину, попутно отметив, что парочка исчезла.

По дороге вниз открылся божественный вид на основную трассу. Дождь лупил по асфальту отчаянно. Из-за пригорка возникали яркие лучи, освещающая каждую струю дождя в отдельности. За ними появлялась очередная машина, вся в ореоле из водяных капель, и через секунду уплывала в темноту излучины дороги. И только звук шин почему-то оставался неизменным.

До Бенту-Гонсалвиса путь был банальным – все по указателям да по хайвеям. День уплывал, эмоции и воспоминания занимали свое место в душе – или, по крайней мере, где-то около. В вилле Миранда за день ничего не изменилось. Из фонтана тепло каберне или мерло. Я выгрузил купленные камни на столик в номере и закрыл глаза. Неужели все получилось?..

Время течет, проходит gloria мунди. Я очень хочу в Риу-Гранди-ду-Сул. Почему-то мне кажется, что там все по-прежнему, что бы это ни значило. Уверен, там по-прежнему страна манящих горизонтов. Когда у меня отпускает душу, она стремится туда.

Джессика подросла, пошла в школу. Бразильская обезьяна из окрестностей Соледада у нее до сих пор любимая игрушка. Ни у кого больше такой обезьяны нет.

